

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 1(091)

СОЦИАЛЬНОСТЬ И ИСТИННОСТЬ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

В.В. Ильин*, А.Г. Хайруллин, Г.А. Хайруллина****

* ГБОУ ВПО Московский государственный технический университет им.
Н.Э. Баумана, г. Москва

**Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВПО Казанского (При-
волжского) федерального университета, г. Набережные Челны

В центре внимания авторов – процедура конституирования истинности знания социальными символическими формами. Исследуются контексты имплантации продуктов познания в корпус культуры.

Ключевые слова: *истина, соответствие, согласованность.*

Конструктивное участие социальности (SF – символических познавательных форм) в конституировании истинности (SR – status rerum) сводится к следующему.

Гносеологический аспект. Через активную роль форм мышления социальность задает интервальность (дистанционность абстракций): теория концептуализирует не объект сам по себе, а определенную его «сторону»; онтология как естественный референт теории суть срез, ракурс, намечаемый культивируемой обществом синтетической понятийной формацией. Понятие, считает Платон, не случайный продукт опыта, а порождение разума. Именно такое порождение, какое обладает логической способностью объединять предметное многообразие в единое под известным углом зрения.

Некий угол зрения в астрономию, вводил Галилей, использовавший в качестве синтетическо-понятийного ядра SF «кинематическую геометризацию». Иной угол зрения туда же вводил Кеплер, выстраивавший синтетическо-понятийное ядро SF вокруг «силы». (В письме Фабрициусу Кеплер пояснял: «Разница состоит... в том, что вы используете окружности, а я – присущие телам силы» [10, с. 139]).

Сверхзадача SF – понятийно, категориально синтезировать, т. е. тематизировать, версифицировать, интерпретировать, – проводить мысль в разнообразных одеяниях, в итоге замыкать ее на действительность. Подчеркнем не только активный (свобода версификации в кругу социально индуцированных легислативных постулатов), но и достаточно автономный, самодействующий, самодостаточный статус SF, приверженность которым вследствие опытной критики позволяет не ускользнуть концептуальному содержанию. Хорошие примеры ремиссии фальсификации во имя защиты идеи – позиции Бора, нейтрализовавшего Комптон-эффект аргументом статистичности законов сохранения,

причинности в атомной физике; Эренфеста, дезавуировавшего отрицательный результат опыта Эйнштейна («опровержение» волновой теории света) ссылкой на групповой характер волн [11, с. 103.].

Если внутринаучных соображений не хватает, в ход идет околонаучная беллетристика. В случае того же Кеплера, когда физика оказывалась бессильной, на помощь приходила метафизика; когда механическая модель оказывалась неспособной служить инструментом объяснения, выручала математическая модель, а теологическая аксиома в свою очередь бралась в качестве связующего звена.

Вместе с тем социальность в лице SF репрезентирует, удостоверяет, а не подменяет SR. Аналогичное – в высоком искусстве. Сошлемся

– на Достоевского: «Я вывел неотразимое заключение, что писатель художественный, кроме поэмы (SF. – *Авт.*), должен знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую действительность» [8, с. 206.];

– Дюрера: «Искусство... заключено в природе. Кто сумеет вырвать его у нее, тот владеет им» [12, с. 373];

– Бальзака: «Самые сильные проявления счастья и горя в конце концов меняют облик человека – искажают черты, бороздя лицо неисчислимыми морщинами, наделяя каждую из них своим языком: и женщина становится тогда величественной в своем страдании, прекрасной в печали своей, великолепной в своей невозмутимости, и если нам позволено будет развить наше необычайное сравнение, то в высохшем озере станут тогда видны следы всех родников, питавших его» [1, с. 216–217];

– Родена: «Обыкновенно думают, что рисунок может быть прекрасен сам по себе, а прекрасны только те истины и те чувства, которые он выражает... Хорош только тот стиль и тот рисунок, которых не хвалят, потому что все внимание поглощено интересом содержания. Когда в литературное или художественное произведение вложена какая-нибудь истина, глубокая мысль или горячее чувство, наперед можно сказать, что и стиль, и рисунок, и колорит прекрасны, но только потому, что они – отражение истины» [14, с. 93–94].

Когда обнаруживаются объективные качества для «истинного эпоса» (Лесков), тогда «очерк нравов» становится историческим романом, эпопеей.

Онтологический аспект. SF создают среду (Н-существования, онтологические допущения, постулаты значения, гипонимизация, таксономизация, семантическая легализация ВК) – среду интеллектуальную. Благодаря фильтрации действительности через SF «бытие» структурируется, расцветивается палитрой образов, не вводясь «полностью».

SF имеют перед проверкой запас прочности:

– некоторые SF в отсутствии эмпирического обоснования (гипотезы Авогадро, Праута) поддерживаются как респектабельные соображения от наперед принятых идей;

– некоторые SF, не оказывая влияния на научное развитие в одних фациях, воспроизводятся, возрождаются в более восприимчивых к ним других фациях – идеи эволюционной космогонии Декарта, не находя поддержки у доминирующего в тезаурусе его времени закона сохранения количества движения, по этой причине пребывая рецессивом, усилиями Канта, Лапласа, Гершеля восстановлены в небулярной модели. Онтологическая сценография мира, поменяв ориентацию с сохранения на изменение, востребовала эволюционные представления.

Знание – не продукт социального декрета, не плод социальной конвенции; оно – динамическое резюме легализующихся ВК и являющихся сюжетом культурно-исторического консенсуса (ВС) предметно-содержательных установок. Комбинация ВК+ВС комплексна; архитектоника ее такова:

(а) множество фундаментальных схем, капитальных образов, Н-существования, интерпретативных предложений, онтологических предположений, вводящих в каркас действительности структурные модели реальности (атом – атомизм; эволюция – эволюционизм; эфир – эфирность; вихри – вихревость и т. п.);

(б) множество относительно независимых от SF эмпирических законов, опытных зависимостей, фактических свидетельств, осуществляющих операциональную фиксацию определенности бытия со стороны:

– качества – количества (сохранение – изменение) – параметры земного шара: качественное (пифагорейцы) – количественное (Эратосфен); преломления света: качественное (Евклид, Птолемей, Альхазен) – количественное (Снеллиус, Декарт); электростатических явлений: качественное (Гильберт) – количественное (Кулон); превращения теплоты в работу и обратно: качественное (Румфорд, Деви) – количественное (Майер, Джоуль); электромагнитного поля: качественное (Фарадей) – количественное (Максвелл); окислительных процессов: качественное (Пристли, Шееле) – количественное (Лавуазье); питания зеленых растений: качественное (Ингенгус, Сенебье) – количественное (Гельс, Соссюр, Тимирязев [4, с. 32]);

– формы – содержания (структура – состав) – строение кристаллов (Гаюи, Митчерлих, Лауэ); земной коры (Фюксель, А. Гумбольдт); солнечной системы (Коперник, Кеплер, Ньютон); галактики (Гершель, Фридман, Леметр, Гамов); электролитов (Аррениус); молекулярных органических соединений (Бутлеров, Кекуле, Вант-Гофф); биологически важных соединений (гемоглобин, хлорофилл, протеины, ферменты, витамины – М. Ненцкий, Э. и Х. Фишеры, Вильштеттер, Функ);

– дискретности – континуальности (сложное – простое): химический элемент (Бойль); биологическая клетка (Шлейден, Шванн); монохроматический свет (Ньютон); акустический оберто́н (Гельмгольц); аминокислоты (Э. Фишер); (в метафизической физиологической тради-

ции – элементаризм (Эмпедокл); гомеомерии (Анаксагор); атомизм (Левкипп, Демокрит));

– относительного – абсолютного (условное – безусловное): относительное (Кеплер) – «абсолютное» (Галлей, Делаланд) в размерах солнечной системы; относительное (Галилей) – «абсолютное» (Гюйгенс) в изменении скорости; относительное (шкалы Фаренгейта, Реомюра, Цельсия) – «абсолютное» (шкала Кельвина) в температуре тел; относительное (Хладни) – «абсолютное» (Био) в скорости звука; относительное (Лавуазье, Лаплас) – «абсолютное» (Реньо) в удельной теплоемкости; относительное (Берцелиус, Авогадро, Канницаро) – «абсолютное» (Перрен) в атомных и молекулярных весах;

– сущности – явления (основание – следствие): мираж – атмосферная рефракция (Монги); светлые и темные кольца на линзах (Ньютон) – наложение волн (Юнг); алмаз – кристаллический углерод (Лавуазье); сокращение конечностей от прикосновения металла (Гальвани) – контактное электричество (Вольта); рисунок на цветах («травники» XVI в.) – указание насекомым пути к сокохранилищу (Шпренгель);

– тождества – различия (градация) – ассоциация признаков по группам сходства, естественные обобщения – классификации: минералы (Вернер); химические элементы (Менделеев); звезды (Г. Рассел); фауна, флора (Линней); группы крови людей (Ландштейнер);

– части – целого (корреляции): химическая атомистика (Дальтон); кинетическая теория газов (Максвелл, Больцман); структурная минералогия (Гаюи); тканевая, клеточная патология (Биша, Вирхов); кристаллография (изоморфизм, полиморфизм – Митччерлих); химическая (Вёлер, Либих), оптическая (Пастер) изомерия; синтез органических веществ из неорганических (Вёлер);

– причины – следствия (возможность – действительность): появление Луны – морские приливы – отливы (Ньютон); движение Нептуна – возмущение орбиты Урана (Леверрье); появление ультрафиолетовых лучей – свечение соли (Стокс); прохождение электрического тока в проводнике – отклонение магнитной стрелки (Эрстед); растворение в воде винно-каменной кислоты – поворот плоскости поляризации света (Био); появление бактерий в крови – заболевание (Пастер, Кох)[4, с. 32–68].

Речь идет о том массиве, на базе которого кристаллизуется важное представление параметрической безусловности признаков существующего. Экспликация же их (признаков) и его (существующего) – в пределах вполне условного легислативного тезауруса (версификация, тематизация, интерпретация).

Пример В.П. Бранского:

Феномен	Тематизация
«Голубизна неба»	Лаллеман: флюоресценция воздуха под влиянием ультрафиолетовых лучей; Шаппюи: окраска из-за присутствия озона;

Гагенбах: рассеяние света, вызванное флуктуациями плотности атмосферы

Диаметрально противоположные трактовки – толкования:

Феномен	Тематизация
«Кораллы»	Рей: растения; Нейсоннель: животные [4, с. 43]

Гносеологическая версия нестыковки платформ – реальная линейность мыслительных процессов, замыкающих обоснование на фундамирующую его основу. Прерыв регресса в поиске последующего основания для предыдущего – апелляция к культуре, являющейся универсальным запасником идей предельной фундаментальности. Так, основанием явления «перелив красок на крыльях бабочек» выступает дифракция света (Гримальди), тогда как основанием дифракции света оказывается дифракция электромагнитных волн (Максвелл) [4, с. 43–44]. В свою очередь дифракционная картина (чередование световых максимумов и минимумов), объясняемая интерференцией световых волн, оправдывается учением о корпускулярно-волновом дуализме частиц, внутреннем строении рассеивающего объекта (где по необходимости велик удельный вес соображений картины мира – ВК, ВС).

Изложение навеивает заключение: постигаемый наукой объект «испаряется» до степени двух неабстрактных определений:

– «снизу» – элементы предметно–практических отображений в инвариантных эмпирических законах, количественных размерностях, пропорциях, корреляциях (период колебания маятника и его длина – Гюйгенс; температура замерзания раствора и концентрация растворенного вещества – Блечден, Рауль; возраст горных пород и количество продуктов радиоактивного распада – П. Кюри, Резерфорд; масса звезд и их температура – Паренаго; количество поглощенного кислорода и степень повышения температуры цветов – Соссюр и т. д.) [4, с. 56–57];

– «сверху» – элементы постигающего характера в «чистом пространстве прозрачной мысли» (Гегель) – явление выдает сущность (основание), так как светится «в самом себе чем-то другим» (Гегель) (законы Кеплера, выведенные как эмпирические показания в авторской формулировке и как концептуальные следствия закона обратных квадратов), – диспергированной по историческим фациям («всемирное тяготение» – оправдание гравитационного закона Ньютона; оправдание оправдания – толкование «тяготения» в «вихревой» (картезианцы), – «эфирной» (Эйлер) моделях).

(в) Множество склонностей, приверженностей, проявлений «фона личности», заявлений «особого характера субъекта»: пикировка

Эйнштейн – Бор по вопросу природы детерминизма и принятие платформы «скрытых параметров» (Эйнштейн, Бройль) [16]; позиции Гейзенберга: «непреодолимость» границ человеческого познания [6, с. 65]; Эддингтона – «селективный субъективизм» [17]; Джинса – «ментализм» [18];

(г) Множество категорологических представительств. Законы, передавая сущностное в явленческом, необходимое в случайном, безусловное в условном, основополагающее в произвольном, причинное в следуемом, получают абстрактную эссенциализацию в категориальных присутствиях. Социально индуцируемая категорология дает предельную в своей объемности символическую структуризацию бытия, наиболее масштабный идейный способ его выражения, типологического включения в картину мира.

Категории – универсальные символические знаки, соотносясь с лексическими понятиями, замыкаются на предметные значения – денотаты. Подобное «замыкание» открывает столбовую дорогу референциальной процедуре. Принятие в расчет сказанного позволяет уточнить: категории в плоскости «бытие» – не *ens fictum*; они работоспособные предметные, а не языковые выражения. Содержательное значение категорий в точном смысле слова не лингвистично, оно онтологично. (Непоправимая ошибка Льюиса и его адептов – приписывание категориальным связям исключительно языковых значений. В его трактовке «значение» языковых выражений исчерпывается модусами

- денотат – объем понятий;
- охват – класс всех возможных вещей, подпадающих под термин;
- сигнификат – свойство вещи, оправдывающее применение термина;
- содержание – совокупность терминов, применимых к тому, что обозначается данным термином.)

На деле категориальные символы суть символы внелингвистические, это такие «постигательные» символы, которые справедливы не для всех возможных миров. Содержательные категорологические интерпретации несут идею порядка существования, задаваемую:

- 1) относительно акта познания (релевантность предметной области теории);
- 2) относительно картины мира (корреспондируемость фации – комбинация ВК+ВС);
- 3) безотносительно акту познания (достояние совокупной общечеловеческой практики – причастность SR).

Линия «Льюис – Тарский», гиперболизирующая «лингвистическое значение» понятийных выражений, предполагает сопоставление не предложений о действительности (фактов) с фиксируемой в них действительностью (фактами), но названий предложений о действительности

с самими этими предложениями. Прообраз *filum meditandi* такого рода – идеология античных скептиков (Тимон, Аркесилай, Карнеад, Энесидем, Агриппа, Секст Эмпирик, Пиррон), гипертрофировавших а) критику чувственности: сенсорика недостоверна (Демокрит); б) субъективное влияние на вещи в процессе познания (трансформация вещей до неузнаваемости в субъект–объектном взаимодействии – эффект Карнеада). На этом основании развертывается купирующая адекватность позиция пробабиллизма – фоллибиллизма.

Платформе скептицизма противостояла развитая в античности же платформа стоицизма (Зенон Китионский, Клеанф, Хрисипп, Панетий, Посидоний, Сенека, Мусоний Руф, Эпиктет, Марк Аврелий), выступавшего с идеей «постигательного» представления. Последнее выглядит вполне основательным.

Накопление достоверности в постигательных субъективных представлениях проясняется посредством гносеологического моделирования онто- и филогенетического контекста становления символических категориальных форм.

Онтогенетика. До 3 лет у детей различение звуков речи сопровождается способностью производить тактильные действия; манипуляция предметностью коррелирована с мышечными сигналами с артикуляционного аппарата, возникающими при произнесении слов [2, с. 220]. «Мышление в действии», связанное с формированием речевых обобщений, есть физиологическая основа функции обобщения.

Ступени интеграции одного с другим:

1) слово в сцепке с чувственным образом: «ляля» – данная конкретная кукла в предметно-действенной (игровой) ситуации (конец первого – начало второго года);

2) слово – заместитель множества чувственных образов однородных предметов: «ляля» – заместитель «кукол вообще» (конец второго года);

3) слово – заместитель ряда чувственных образов разнородных предметов, генеалогически – игровым образом – связанных с «лялей» – «игрушка» (третий год);

4) слово сводит обобщения предыдущих ступеней – интеграция неодушевленных предметов в «вещи» (пятый год) [2, с. 220–221].

Истончение и упразднение манипулятивно-игровой, осязательно–действенной, чувственно-предметной основы мысли влекут последовательное развертывание и автоматизацию словесно-фразовых комплексов. Прошлый предметно-практический опыт замещается вербальным. С 6 лет поведение подчиняется не манипулятивным, а словесно-обобщенным инструкциям, что позволяет мысли не «воплощаться в слове», а «совершаться» в нем (Выготский).

С позиций «вхождения» чувственной предметности в рациональную образность дело выглядит так. Ребенок, знакомясь с объектом, по-

лучает сигнификат «елка», сцепленный с набором ощущений. По Сеченову, это – символ «первой степени», где ощущения сведены в знак комплексного раздражения. Возникает система «рефлексов между компонентами комплекса, которая есть не что иное, как полное представление о предмете» [2, с. 220]. В терминах теории значения кристаллизуется значение «в элементарной форме» (Сеченов). В опыте с разными елками ребенок распространяет на них усвоенное значение. Оформляется символ «второго порядка» – расширенное по объему понятие, утрачивающее конкретность чувственного образа. Далее «елка» подводится под «дерево», «растение» с еще большим предметным кругом, набором весьма абстрактных содержательных признаков.

Предметно-манипулятивный базис понятия, гносеологически замкнутый на чувственно-конкретный символ «первой степени» а) осуществляет связь «порядка идей и порядка вещей»; б) фундирует внелингвистическую теорию значения.

Филогенетика. Если онтогенетика проливает свет на становление предметного значения, то филогенетика снабжает пониманием смыслообразования. Центральным здесь, как во всем и всяком человеческом деле, оказывается участие символического. Символическое, отмечалось ранее [9], есть единство образа и смысла. В контексте обсуждаемого важно иметь в виду, что в познавательном отношении смысл символического заявляется как тенденция. Главное – расценивать производство понятийно-образного (посредством смежности, причастности, идентичности и т. д.) не как наличность, а как динамичность.

Вектор «не данность – заданность» выводит на стезю историчности. Гносеологическая природа последней выражена Броделевским: «История – это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения, вчерашних, сегодняшних, завтрашних» [5, с. 345]. Сущность в познании как поднятие единичности в особенность и всеобщность дана исторически.

Символические конденсаты предметности – категории – формально (будучи символами) суть условности условностей; содержательно – безусловная субстанциальная перспектива. Категории – значимые символические отношения, предметно-понятийные отнесенности. В тесном смысле понятие их объектности (субстанциальности, субстантивности) проясняется в створе следующего:

- генеалогически формы мышления связаны с объектными признаками, передают предметные связи;
- смысловые значения играют роль схем: формы мыследеятельности предшествуют чувственности, целенаправляют применение «терминов» к представлениям;
- значения черпаются из SR и культуры, создаются в опоре на эмпирические законы и выразительные возможности SF;

– естественная динамика знания – переход от теории к теории, фации к фации (в отсутствии дедуктивного правила «предельного перехода», примитивно истолкованного «соответствия») – включает и естественную кумуляцию содержания о предметной сфере (математические формализмы, эмпирические удостоверения, символические образы мира, воспроизводимые в проекциях на реальность, интерпретациях, референциях). Аккумулируемое содержание составляет историческое богатство категориального фонда, в предельном отношении – богатство человеческого культурного наследия. Познание исключает ситуацию смыслового вакуума; накопление предметно-истинностного содержания – в динамических фигурах включения и воспроизведения (опосредствованных фациальными актуализациями категорологии);

– абсолютное, говорит Франкл, постигается не с помощью символа, а в символе.

Операциональный аспект. Как отмечает Л.М. Гутнер, «любая конкретная система измерительных операций сама подчинена определенной системе законов и может осуществляться в сфере их действия» [7, с. 130]. Определение скорости света в лабораторных условиях опиралось на использование открытого Керром электрооптического эффекта (возникновение двойного лучепреломления в оптически изотропных веществах – жидкостях, газах, помещенных в электрическое поле), равно как фотоэлектронной эмиссии.

В исследованиях, замкнутых на «выборки», «репрезентативность», экспертные оценки, поведение ансамблей (в том числе ошибки при измерениях), велика роль таких концептуальных конструкций, как центральная предельная теорема, закон больших чисел (распределение случайной величины – с соблюдением условия Линдберга – идет по нормальному закону, изображаемому колоколообразной кривой Гаусса; нормальное распределение случайной величины статистично).

Операциональный базис оказывается одной из сторон органичного распределения и опредмечивания мысли, опосредствует связь теоретического и эмпирического: «...понять то, что происходит вне нас, можно с помощью построения понятий, значимость которых целиком основана на подтверждении» [15, с. 307]; проверочное знание обоснуется операционально-экспериментальными методами, достаточно надежно обеспечивающими его достоверность (своего рода, по мнению Б. Маркова, «позитивный капитал знания» –).

Операциональность и предметность – взаимозависимые признаки символического [13], актуализирующие способность последнего нести объективную информацию, соотноситься с SR. Вслед за Тарским справедливо усматривать в символическом (языке) наличие «объект-языка», нацеленного на воспроизведение предметности [20]. Вместе с тем, фиксируя SR-независимое от сознания положение дел в действительности, «объект-язык» зависим от SF-закрепленных социально (общественным

сознанием) схем взаимосвязей предметного мира, равно как самого понятия предметности.

Утрирование комбинации SR versus SF, собственно, намечает антитрансценденталистскую перспективу социологии знания: вывод значений объект-языка из-под юрисдикции (легислатуры) SF влечет их гипостазис (значение «в себе», истина «ни для кого»). Из SR активируется лишь релевантное SF, таким образом оперативно решается проблема культурно значимого в существующем. Непосредственным инструментом подобного решения является фация, наделяющая фигуры объект-языка допустимыми (осмысленными) интервальными значениями. (Критерий осмысленного, социокультурно санкционированного существования в фации следующий: существовать – значит быть значением интерпретированной переменной.)

Эффективность операционализации объектного языка знания – в его предметно-действенной, чувственно-наглядной генеалогии, находящей историческое закрепление в инструментальных средствах, в свою очередь содействующих переводу сигнификатов в материально-практическую форму.

Интерактивный аспект. Социальность в контексте теории познания есть генеральное многоосное отношение. Гносеологический интерес его концептуализации вызван новыми сечениями, которые вносит понимание общественного характера познавательного процесса в его профессиональную рефлексию.

а) Е. Блейлер в свое время высказал идею энграмм: вследствие психических переживаний в душе остаются следы; в соответственных упражнениях (экфория) энграммы способны воспроизводиться [3]. По аналогии возможно выдвинуть соображение культурных энграмм; достоинства культуры не исчезают бесследно, пребывают в особом духовном пространстве, оказывая влияние на всех, к нему причастных. Соображение духовно-культурных энграмм обогащает гносеологию представлением всеобщности, непрерывности, самоподдерживаемости интеллектуально-символической деятельности, к которой как целому, равно как любой ее части, приобщаются носители интеллектуально-символического.

Духовная культура живет не только изменением, но и сохранением, не только свободой, но и наследованием; подвижное, вариативное, непередаваемое, незакрепляемое (утрирование чего осуществляли постмодернисты), собственно, есть художочная символика (авангардистский абсурд), не причастная к культурной формации. Возможность утилизации социальных продуктов символической культуры (в востребованности) актуализирует перекрытие персонально-личностного, снабжает мыследеятельность рефлексивными обобщениями истории практики и познания (рефлексия в общем и есть осознание содержимого души через его происхождение, отнесение к источникам и истокам. В рефлекс-

сии, утверждает Мид, «целостный социальный процесс привносится в опыт участвующих индивидов»);

б) Хабермас предложил перспективную мысль: общество выполняет «условия сохранения социокультурных жизненных миров». Мысль Хабермаса под углом зрения наших разысканий допустимо выразить в редакции: общество – корпоративный носитель познавательно значимых представлений. В смысле тотальном – (а) и фациальном – гомеостатичность когитальных матриц, модулей, эталонов в хронотопах: социальное санкционирование всеобщности, необходимости неких базовых образов реальности. (Напомним: с позиций как логики, так и методологии, всеобщность, необходимость – не абсолютные, а относительные атрибуции знания, осмысленные в кругу принципиальных систем отсчета – «базисных посылок» – ВС).

в) Льюис представил рассуждения, связывающие (а) и (б). На базе тотальных культурных смыслов мы понимаем действия людей вообще – современников и предшественников. Нашу общую мирожизненную реальность отображают наши общие категории [19, р. 114]. На базе фациальных культурных смыслов мы заявляем и проявляем себя как «фундаментально сходные существа», принимающие в границах своего мироотношения определенные предпосылки (ВК), опирающиеся «в общем на одни и те же потребности, интересы и способности различения и отношения» [19, р. 91.]

Радикальные наши «общие потребности», наша «социальная организация», предназначенная для их удовлетворения, наше «обучение социальным примером» [19, р. 115].

Определенность мирожизненного мира (наша выборка: фоновые предположения, явные и неявные допущения, интерпретативные предложения, модели реальности) – комбинация ВК + ВС – своим непосредственным и объективным фактом социокультурного влияния осуществляет когнитивное воспроизводство, проводит идейную интеграцию, создает собственных адептов. Рефлексивно-аналитическим эквивалентом сказанного выступает коммуникационный консенсус (социологическая оболочка ВС), устанавливаемый посредством соотнесения общезначимого понимания мира (ВК) с пониманием его всеми агентами мирожизненной общности (исключение – выбивание из общности – мыслительное отщепенство, диссидентство – Яноши, до $\frac{3}{4}$ XX в. рьяно защищавший «эфирную» модель мироздания).

Прекрасный пример культивации SF через социальную универсализацию взглядов – история становления алгебраических идей в Европе и Китае.

Европейская алгебра, утрирующая отношение равенства (математика есть дисциплина, выстраивающая тело теории вокруг операций с отношением равенства или его нарушения), развивалась как техника переноса символических записей с одной стороны равенства в другую.

Китайская (сунская) алгебра выстраивалась вокруг физических операций, связанных с манипуляцией фишками на доске. Одна вариация – записи; другая – процедуры. В конкуренции вариаций (в мысли как природе действует правило естественного отбора) победил европейский путь, открывший магистраль абстрактного оперирования символическими системами: алгебра – обобщение арифметики, высшая алгебра – обобщение алгебры и т. д. Представление предметом функции функций влечет символическое разворачивание теорий групп, колец, полей, векторов, категорий и т. д.

г) Потебня, Ортега, Бастиан говорят о вхождении идей, мирообразов, представлений в вид низовой словесности (сказы, фольклор). Для этой цели вводятся следующие фигуры: «народная поэзия» (Потебня); «народная культура» (Ортега); «народные мысли» (Бастиан). О чем речь? О власти интернализированных сценографий действительности, выказывающих свою жизненность архетипов, становящихся достоянием людей своего времени, но приобретающих разную степень выраженности в науке (рафинированная рациональность), искусстве (рафинированная образность); повседневности (обыденно-практическая традиционность). Воистину, недоумевает Ортега, поразительно и таинственно то тесное внутреннее единство, которое каждая историческая эпоха сохраняет во всех своих проявлениях. Единое вдохновение, один и тот же жизненный стиль пульсируют в искусствах, столь несходных между собою. Не отдавая себе в том отчета музыкант стремится воспроизводить в звуках в точности те же самые эстетические ценности, что и художник, поэт и драматург (и, добавим от себя, – иные представители духовного и практически-духовного воспроизводства. – *Авт.*) – его современники. И эта общность художественного (шире – ценностного. – *Авт.*) чувства поневоле должна привести к одинаковым социологическим последствиям. Последствиям, затрагивающим основы самостояния, являющимся способом эпистемического воспроизводства самости, ее фациальной, мыследеятельностной судьбы, а потому оказывающимся всеобщие-необходимыми.

Список литературы

1. Бальзак О. Собр. соч.: в 15 т. М.: Художественная литература, 1952. Т. 2. 556 с.
2. Батуев А.С. Высшая нервная деятельность. М.: Наука, 1991. 260 с.
3. Блейлер Е. Руководство по психиатрии. Берлин: Врач, 1920. 538с.
4. Бранский В.П. Философское значение проблемы наглядности в современной физике. Л.: ЛГУ, 1962. 192 с.
5. Бродель Ф. История и социальные науки // Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории. Ч. III. М.: ИНИОН, 1969. С. 115–142.

6. Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. М.: Техиздат, 1953. 225 с.
7. Гутнер Л.М. Методологические принципы измерения. Л.: ЛГУ, 1972. 145 с.
8. Достоевский Ф.М. Письма. М.: Художественная литература, 1934. Т. III. 340 с.
9. Ильин В.В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: МГУ, 2013. 384 с.
10. Кеплер И. О шестиугольных снежинках. М.: Наука, 1982. 194 с.
11. Марков Б.В. Проблема обоснования и проверяемости теоретического знания. Л.: ЛГУ, 1984. 168 с.
12. Мастера искусства об искусстве: в 6 т. М.; Л.: Искусство, 1937. Т. 1. 635 с.
13. Пивоваров Д.В. О соотношении предметного и операционального компонентов научного познания // Вопросы философии. 1977. № 5. С. 97–120.
14. Роден О. Искусство. СПб., 1914. 320 с.
15. Эйнштейн А. Собрание научных трудов: в 4 т. М.: Наука, 1967. Т. IV. 600 с.
16. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М.: Наука, 1947. 304 с.
17. Eddington A.S. The Philosophy of the Physical Science. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1939. 240 p.
18. Jeans I. Physics and Philosophy. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1942. 320 p.
19. Lewis C.J. Mind and World Order. New York: Charles Scribners, 1956. 340 p.
20. Tarski A. The Semantics conception of truth // Philosophy and phenomenological research. V. IV. New York: Charles Scribners, 1944. 443 p.

SOCIALITY AND TRUTH: THE PROBLEM OF CORRESPONDENCE

V.V. Ilyin*, A.G. Khairullin, G.A. Khairullina****

*Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow

** Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny

The article is focused on the procedure of the truth of knowledge constitution on the basis of socially conditioned symbolic forms. The contexts of implantation of knowledge products within the cultural framework are examined.

Keywords: *truth, correspondence, human culture.*

Информация об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор ГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», г. Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru

ХАЙРУЛЛИН Аскар Гафиятуллович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: askar58@mail.ru

ХАЙРУЛЛИНА Галия Абузяровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: askar58@mail.ru

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilyevich – Ph.D., Prof. of Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

KHAIRULLIN Askar Gafiyatulloviсh – Ph.D., Prof., Chair of Philosophy Dept., Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: askar58@mail.ru

KHAIRULLINA Galya Abuziyarovna – Ph.D., Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy, Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: askar58@mail.ru